

КОЛОННЫЙ ЗАЛ

Другой мир

Памяти В. Е. Сафронова

На одном из весьма мною уважаемых ресурсов в Интернете я наткнулась на небольшой опрос на тему «Что такое фотография». Не удержалась и я от соблазна придумать короткое определение. Даже два. Фотография — это язык. И способ преодоления небытия

Начну издалека. Самая первая встреча с фотографией у многих начинается с разглядывания семейного альбома. Мы привыкаем видеть фотографии близких и представлять их по этим фотографиям — такими, какими они на этих фотографиях остались... Из десятков (а в нынешнее время и сотен) обрывочных образов длиной в долю секунды можно сложить целую своеобразную ленту жизни. Цифровая фотография в этом смысле — не исключение. Она лишь позволяет удлинить эту ленту, сделать ее более подробной.

Но началось все не с фотографии. Сначала рисовали образ на память, даже скорее на памятник, чтобы бессмертной душе было с чем ассоциировать себя после смерти. А уж когда появилась фотография — оказалось, что появилась абсолютная точность отображения. Стало казаться, что теперь-то душа не обманется, не перепутает — однозначно! Или все-таки есть возможность перепутать? Действительно, что может быть более похоже на нас самих, чем изображение, застигающие нас в эту одну шестидесятую (или того короче) долю секунды? Но сколько раз мы сталкивались с тем, что фотографируемые говорят: неужели это мы? И не нравится себе никто. Почему? Ведь механическое отображение должно было бы, по идее, давать стопроцентное попадание в реальный образ. А бывает, что мы узнаем себя или близких в малопригодных для опознания кадрах. Лучше всего об этом написал Ролан Барт в своей «Camera Lucida»: «Я перебирал... снимки, и ни один из них не показался мне по-настоящему «хорошим» — ни с точки зрения профессионализма фотографа, ни в качестве средства воскрешения любимого лица. ... Иногда по воле этих фотографий я узнавал какую-то часть ее лица, соотношение носа и лба, движение ее рук и кистей. Всегда я узнавал ее по частям, другими словами, от меня ускользало ее бы-

тие, следовательно, вся она целиком. То была не она и тем не менее то была не кто иная, как она. Я опознал бы ее среди тысяч других женщин, и все же я не «обретал ее вновь». Я отличал ее среди других, но не узнавал сущностно...

Снимок был очень старым. Наклеенный на картон, с облотившимися углами и выцветшей печатью, сделанной в сепии, — на нем с трудом можно было разобрать двух детей, стоявших рядом с деревянным мостиком в Зимнем Саду со стеклянным потолком... Я присмотрелся к маленькой девочке и, наконец-то, обнаружил в ней свою маму... моя печаль хотела подлинного образа, просто образа, который был бы подлинным. И таким образом стала для меня Фотография в Зимнем Саду...»

Непохоже... И в то же время похоже. А для чего, собственно, тогда все снимается, если даже неодушевленное отражение пленками и матрицами оставляет нас непохожими. Что же заставляет нас судорожно нажимать на кнопку, бывать осмеянными родными и близкими, а также чужими и дальними?.. Ради чего человек вместо отдыха на природе берется за фотоаппарат? Для чего люди так желают быть сфотографированы «на фоне»? Ради чего? Чтобы потом показать: смотрите, это действительно было... Или это не утверждение, а вопрос? Да и было ли это? А может, только могло быть. Или стало, после того как кнопка была нажата?.. Существовала ли на самом деле эта доля секунды, которую зафиксировали фотограф и камера, а теперь пристально рассматривают зрители?

Но нет, сомнения здесь неуместны, фотография с ее механическим способом схватывания действительности столько лет со дня своего рождения говорила нам: «Было! Было...» И нет, казалось бы, никаких оснований утверждать, что не было. Но и абсолютного соответствия тому, что именно видел фотограф и чем он хотел бы поделиться со зрителем, не могло быть. И непохожесть возникает, наверное, потому, что мы не согласны с тем человеком, который выбрал эту долю секунды, а не следующую. В кадре обнаруживаются ненужные, значащие детали, уводящие от цели снимка. Казалось бы, всего-то нужно полностью уйти от неважных на взгляд фотографа элементов сюжета. От них пытались избавляться различными способами: пикториализм и прочие формоизменения, ракурсы и механические ухищрения приводили мир в соответствие с творческим замыслом фотографа. Порой таким образом действительно удавалось найти точное решение для выражения сути образа «Дьявол прячется в деталях». И все же эти лишние детали имели значе-